

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ ТОТЕМИСТИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ СОЗНАНИЯ

Костенич Владимир Анатольевич,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье осмысливается трансисторический «логос» тотемистической установки человеческого сознания. Выдвигается предположение о «не случайности» биовитальных отсылок в лексике тотемистических (ритуальных) инсталляций. Приводятся в смысловое замыкание постулаты и механизмы тотемистического табуирования человеческой жизнедеятельности. Проговариваются их отдельные современные (превращённые) социоформы.

Одним из праисторических жанров сакрального нарратива традиционно считается *тотемизм*. Правда, на сегодняшний день, отсутствует корпоративное согласие не только по поводу «религиозной аутентичности» данного ментального феномена, но и самого факта наличия его социокультурной универсальности. Все чаще и настойчивее говорят о полифонии *тоте(м)истических языковых игр*, задающих (сюжетно) диверсифицированное и (тематически) многослойное смысловое пространство «*символических описаний*» и ритуальных практик *становления человеческого в человеке в форме зооморфных эротизмов и деонтологий табуирования* [1, с. 37-111]. Тотемизм растворяется в пересказах «частных верований» первобытных сообществ, гомологичных друг другу «структурно» в своих «антропологистических мифах». Последние привязывают человеческое общежитие к либидонозным посланиям природных вожделений и их травматическим последствиям в генезисе созревающей совести. В целом, принимая к сведению подобную интерпретацию тотемистических представлений, хотели бы внести некоторые *уточнения-укрупнения* в трактовку их «мировоззренческой философии». На наш взгляд, необходимо дать принципиальное объяснение ряду ключевых трендов данного смыслоорганизма, которые признаются практически всеми исследователями, но остаются в качестве «постулированных очевидностей», не нуждающихся в специальном обосновании. Однако, это не так.

Прежде всего, напомним себе, «*трансцендентный*» лейтмотив всех *тотемистических «космологий», задающий их «сверхъестественную хроно(с)топику*» и религиозные сакрализации, ибо тотемистические построения инкорпорированы в «первобытности» истории (творения) самого бытия, понимаемого как Космос (всего Сущего). Согласно тотемистическим представлениям, Космос возникает из Хаоса в результате того, что *некие (изначальные и вечные) X-бытийные образования, обитающие в Хаосе*, выталкивают Космос из его бесконечных недр и продолжают в дальнейшем удерживать от обратного обрушения в Хаос. Параллельно, в основе тотемистических метафор (в подавляющем большинстве случаев) лежат *представления о сверхъестественном родстве* между определённой группой людей и т. н. «тотемами»: видами животных и растений [2, с. 51-84]. Иначе говоря, *бытийные первопредки Космоса (якобы. – В.К.) мыслятся* первобытным сознанием в образах так называемых

«*священных животных*», земными аналогами которых объявляются определённые биосособы, выступающие для того или иного архаичного человеческого коллектива (по каким-то «*тёмным*» причинам) ортодоксально смыслоопределяющими. «Доминирующей чертой тотемического верования является жуткий мистический страх перед соответствующим животным. Однако это не просто страх, но и своего рода обожествление. Люди как бы перевоплощаются в свой тотем-животное...» [3, с. 120]. По отношению к этим первопредкам и их земным «родственникам-дубликатам» (как правило, но с оговорками и семантическими хитросплетениями) формулируются два фундаментальных запрета-табу (*этически добровольных, совестьнесущих, самоограничения*): 1) их нельзя убивать и употреблять в пищу; 2) с ними нельзя вступать как в прямые, так и символические *инцестуальные* (эротически кровосмесительные и онтологически кощунственные, «*богохульные*») связи и отношения. «Табу, по существу, является именно той гранью, которая отделяет новорожденное... общество от зоологического стада зверей, ибо оно есть древнейшее и простейшее нравственное образование» [3, с. 12].

Тотемистически ориентированное мышление глубоко сопоставляет между собой «*пищевую и репродуктивную*» (она же, в более широком контексте, эротически-сексуальная) программы поведения, общения и деятельности, задавая их *бинарные синонимизации-перекодировки*. Биологические инсинуации человеческой (природной) органики социально декорируются и начинают задавать новые «*призмы восприятия*» самой человеческой субъектности, наделяя её синергетической нелинейностью. Возникают «*эпопеи инициации*», перемежающиеся физиологическими и сексуально-пищевыми «*диетами*» (искусственного и искусного плана). Попутно заметим, что *христианская евхаристия*, подразумевающая «*дегустацию Бога*», перевод трансцендентного в имманентное; также полна эротических «*песнь песней*» и характеризует собой «*акт близости*» Бога и человека, его (своеобразное) «*оплодотворение святостью*» *запредельного, просветляющего мутно тепесное. Предчеловеческое в человеке (до)вочеловечивается из «потусторонних» источников.* По сути, с помощью этих императивов мифологическая ментальность (первоисходно) вводит для себя (*пра-религиозное*) осознание наличия таких поведенческих границ, которые следует рассматривать в качестве «*священных и абсолютных*», и духовное игнорирование которых «*самоубийственно*» для социо-био-популяционного генома человеческой родословной.

Вопрос, однако, в том, какова онтологическая (а не аксиоматическая) корреляция между животноподобными тотемными основаниями (основателями) человеческого бытия и выбором именно их в данном сакральном статусе? Так ли уж «случаен и прагматичен» этот выбор и (мучительное) предпочтение? Как нам представляется, здесь можно усмотреть целую палитру «точечных интуиций» человеческой экзистенциальности, самос(ть)критично диагностирующей собственные «природные бездны», а также производные от них душевные смятения и духовные «одержимости».

По-видимому, тотемизм оказывается бессознательным прозрением и квази-художественным (ритуально проигрываемым) перформансом того (на сегодня, тривиального) факта, что по «происхождению» сам Человек предстаёт суще-

ством «биологически обусловленным», является (в Мир) тем уникальным животным, которое, по мнению Марка Твена, «способно краснеть» (от неловкости или стыда из-за «улик» своих «деградаций в животность»). Тотемизм выступает и напоминанием об этом, и дамокловым мечом (прогностического) предупреждения: «Человек хуже зверя, когда он зверь» (Рабиндранат Тагор), ибо «зверское в Человеке», как эдемский «змеи-искуситель», вечно соблазняет его «ослушаться» собственной «богоподобной человечности», и вновь совершать «первородный грех» (животного) *самоунижения*, наделяя «телесность» самодовлеющим значением царской особы, правящей бал наших гедонистических желаний.

Наиболее эксплицитно данные аллюзии тотемизма представлены в *символических индексах кентаврахи*, где человеческая ипостась акапельна своему «животному носителю», свержающему вертикаль человеческой осанки в горизонталь витального галопа. Неожиданной этической абберацией (исторически продвинутого) тотемизма предстают также такие «хтонические гермафродиты» бытия, как *Горгона* (ухмыляющаяся... vagina dentate, женская голова с бородой, клыками, вывалившимся языком и змеями в волосах) и *Сфинкс* (существо с головой и грудью женщины, крыльями грифона, когтями и задом льва; *плод инцеста* полузмеи Ехидны с сыном-псом Орфом). Эти сущности символизируют «чудовище совести», зомбирующей человека из его собственных сновидений ужаса и раскаяния [4, с. 61-97]. Наконец, ещё один нестандартный пример тотемистической амбивалентности Мира и человека являет собой бальный танец «пасодобль», обыгрывающий в своей хореографической феерии тему «*корриды*» *торевдора и быка*. При этом маркером их бытийного противостояния, «красной тряпкой раздора» выступает «пафос» самой схватки, как таковой, вкуче с интронизацией на пьедестал бытия одного из участников сражения. Все эти сюжеты «фрейдируют» к рассмотрению психоаналитической *диалектики сексуальности и смерти, транспонируемых в мыслеобразах мужского и женского начал*.

Отныне человеческое тело и телесность становятся тотемистическими проекциями сознания, проступившими из ритуальной глины мифологических ассоциаций. Эдипов инцест «Тотема и табу» оказывается фрейдовской *зарисовкой трагической теургии хтонических монстров животности и социокультурного генозиса стыда-совести*, выносящих испепеляющий приговор человеческим попыткам «одолжить себя» зверю похоти и сексуального прельщения. Редактируя Фрейда и повествуя об архетипах человеческого облика, о его Личинах и Лицах, Юнг, фактически, проговаривает подпольные сущности тотемизма, рассоединяя между собой архетипическую *Тень «животной витальности»* и, маскирующую её в ритуальных сценографиях культуры, архетипическую *Персону «животного»*. *Под ритуальной маской того или иного животного, тотемизм центробежно дезавуирует «животность», как природную ойкумену человеческой сущности*, эротически привязанной к пасодоблю священного и... дидактики заклания, учреждающего и упреждающего насилия. «Первобытная религия «приручает насилие», регламентирует, упорядочивает и направляет его в нужную сторону – а именно против всех форм действительно недопустимого насилия... Функция (тотемистического. – В.К.) ритуала – в том, чтобы «очищать» насилие, то есть «обманывать» его и переключать на жертв, мести которых можно не бояться» [5, с. 31, 52].

Насилия в его культурологическом формате «священной жертвы (козла, агнца) отпущения», когда «человеческое в человеке» проходит возобновляемую потребность реанимировать «ресурсы человечности» посредством драматического спектакля «художественного совокупления» (всегда) неизжитых природных инстинктов (воли к биологической власти) в пространстве социальных снобизмов и литургий самопожертвования. Отсюда произрастают тотемистические рецидивы насилия... в формах... практик не-насилия; натурализма фильмов ужасов в катарсисе хэппи эндом; эротичных потуг порнографичного; аскетики многоликого скопчества; этики оторопи в эстетике боди-артов телесных провокаций; общечеловечески сублимированной корпоративности; спортивного фэйр плей и допинговых деградаций. Таковы (некоторые) современные мизансцены круговращений тотемистического. И человеческие усилия сподвижничества «(воз)любить ближнего больше... себя и... его самого...». Религия героического энтузиазма «оставаться Человеком» в океане экспоненциально размножающихся искушений (плотского и статусного) благополучия и апокалиптики киборгических подмен в нишах виртуального и аватарного.

Дионис лукав и многолик и в наше время...

Литература

1. Леви-Строс, К. Первобытное мышление. / К. Леви-Строс. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
2. Токарев, С.А. Ранние формы религии / С.А. Токарев. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
3. Бородай, Ю. М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. / Ю.М. Бородай. – М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. – 416 с.
4. Палья, К. Личины сексуальности / пер. с англ. / Общ. ред. и посл. С. Никитина / К. Палья. – Екатеринбург: У-Фактория; Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 880 с.
5. Жирар, Рене. Насилие и священное / перевод с французского Г. Дашевского. – 2-е изд. испр. / Рене Жирар. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 448 с.